

УДК 821.161.3.09.16'-141(092)

**ДИАЛОГ С ЭККЛЕСИАСТОМ
В ПОЭЗИИ СИМЕОНА ПОЛОЦКОГО****канд. филол. наук, проф. Г.В. СИНИЛО**
(Белорусский государственный университет, Минск)

Рассмотрена проблема мета- и интертекстуальности в поэзии Симеона Полоцкого, связанная с библейской Книгой Экклесиаста, являющейся важнейшим метатекстом эпохи барокко. Аллюзии на Книгу Экклесиаста, а также реминисценции и прямые цитаты из нее, ее топика пронизывают творчество крупнейшего поэта восточнославянского барокко. Показано, что диалог с Экклесиастом помогает Симеону Полоцкому исполнить свое предназначение поэта-проповедника и выразить мысль об относительности и временности земного бытия, о необходимости для каждого верующего отрешиться от жизни дольной и истинно возлюбить горнюю. При этом русско-белорусский поэт гораздо сильнее, чем Экклесиаст, акцентирует надежду на жизнь вечную как единственно истинную и элиминирует мотивы гедонизма и парадоксального скептицизма, присущие библейскому мудрецу.

Введение. Одним из важнейших прецедентных текстов для трагической эпохи XVII в., прежде всего для барокко, становится библейская Книга Экклесиаста. Она выступает для эпохи барокко как смыслопорождающий текст, как метатекст, вызывающий к жизни новые тексты. Это ярко проявилось во всех европейских литературах, в том числе и восточнославянских, где диалог с Библией в целом был еще более актуален в силу практически сплошь религиозного характера литературы этого периода. Особенно важен диалог с Писанием для крупнейшего поэта восточнославянского барокко – Симеона Полоцкого. В последние десятилетия и барокко в восточнославянских культурах и литературах, и собственно творчество Симеона Полоцкого в самых разных его аспектах привлекают к себе активное внимание исследователей как российских [1–6], так и украинских [7–10] и белорусских [11–14]. Переиздаются сочинения поэта в оригинале и переводах [15–16]; его наследие вызывает живейший интерес западных славистов¹. Однако до сих пор не становился предметом самостоятельного научного рассмотрения ни в белорусском, ни в российском, ни в западном литературоведении диалог Симеона Полоцкого с Экклесиастом, как и в целом диалог с библейским мудрецом всей литературы барокко. Это и обуславливает новизну и актуальность данной работы. Цель исследования – выявить значимость диалога с Экклесиастом и способы презентации библейского текста в творчестве Симеона Полоцкого.

Экклесиаст как метатекст эпохи барокко. Как известно, Книга Экклесиаста (в оригинале – *Сэфер Когзлет (Qohelet)* – Книга Проповедующего в собрании; греч. *Ekklesiastes* – калька названия на иврите) является самой цитируемой книгой Библии. Однако, пожалуй, никогда она не цитировалась столь много, никогда она не вдохновляла такое количество поэтов, как в переломном, переходном, трагическом XVII в. Необычайный внутренний драматизм эпохи закономерно повлек за собой обостренный интерес к сложнейшим проблемам человеческого духа и парадоксам бытия, а значит и к наиболее парадоксальным библейским текстам, которые открываются заново в своем религиозно-философском и художественном аспектах (впрочем, конечно же, неразделимых). В сознании мыслящего человека XVII в. складываются трагические антиномии: человек велик и одновременно беспредельно слаб; человек свободен и в то же время абсолютно зависим от таинственных сил, которые, возможно, не будут познаны никогда; он познает мир, но последний все более оборачивается к нему своей иррациональной стороной; более того, чем дальше раздвигаются границы познания, тем больше сама граница с неизведанным, тем больше тайн и загадок. Еще никогда горькая истина Экклесиаста – «Ибо от многот мудрости много скорби, / И умножающий знание печаль умножает» (*Еккл 1:18; здесь и далее перевод И. Дьяконова*) [17, с. 43] – так не была внятна и близка мыслящим людям, как в эпоху XVII в. Прежде всего это близко авторам барокко, опиравшимся преимущественно на нестоическую философию. Безусловно, нестоицизм – это стоицизм, преломленный через призму библейского мирозерцания, и многие родственные мысли и идеи он черпает именно в Книге Экклесиаста – с ее признанием дисгармоничности или даже абсурдности бытия и в то же время поисками его осмысленности, с ее призывом ценить каждое мгновение бренной жизни и помнить о Боге, исполнять заповеди Его.

¹ Так, Л.И. Сафонова, крупнейший современный специалист в области русской литературы XVII в. и творчества Симеона Полоцкого, сообщает во Введении к своей книге «Литературная культура России: Раннее Новое время» (2006): «Особенно полезным стало для меня многолетнее сотрудничество с английским коллегой А. Хипписли, совместно с которым было подготовлено и опубликовано в 1996–2000 гг. в Германии под редакцией Х. Роте, с предисловием Д.С. Лихачева первое полное научно-критическое издание (в трех томах) книги стихов Симеона Полоцкого “Вертоград многоцветный”» [4, с. 17].

Важнейшие мировоззренческие принципы, излюбленные идеи и темы барокко, обусловившие и его стилевые черты, – *vanitas mundi* (бренность, суетность мира), *discordia concors* (соединение противоположностей, сочетание несочетаемого), *Constantia* (верность, постоянство – стоическое Постоянство души вопреки непостоянству мира) – находят для себя благодатную почву в раздумьях и афоризмах Экклесиаста. Сам кардинальный ход мысли библейского автора – от утверждения тщетности и бренности бытия к призыву радоваться каждому его мгновению – получает многомерный и многообразный отзвук в барочном парадоксальном сопряжении предельного трагизма жизни и безудержного упоения ее красотой.

Важно было также, как написана знаменитая библейская лирическая поэма о смыслоутратах и поисках смысла жизни, о загадке смерти, «о тайнах счастья и гроба» (как сказал бы А. С. Пушкин). Мысль неведомого мудреца и поэта, жившего в Иерусалиме предположительно в V–IV вв. до н.э., движется чаще всего ассоциативно, через парадоксы и антиномии, через внутренние противоречия, через спор с самим собой. Это придает чрезвычайную неоднозначность его суждениям, подчеркивает текучесть, динамичность, относительность и самого бытия, и человеческой мысли. В свое время, на рубеже I–II вв. н.э., среди иудейских мудрецов, завершавших канонизацию Танаха (Ветхого Завета), возникли споры об уместности присутствия в каноне Книги Экклесиаста – и не только из-за ее кажущегося порой беспредельным скепсиса, но прежде всего из-за внутренней противоречивости, порой алогичности. Перед нами своеобразный «поток сознания», конструирующий образ реальности и изливающий его в страстном, горьком, ироничном, сбивчивом философском лирическом монологе. При этом высказываются столь различные, иногда противоречащие друг другу мнения, что философский монолог скорее превращается в философский диалог, в спор или беседу не только с внешними незримыми собеседниками, но и с самим собой. Российские гебраисты и библеисты И.М. Дьяконов и Л.Е. Коган отмечают: «Текст Экклесиаста представляет собой монолог, но монолог особый, за которым фактически скрывается напряженный полемический диалог сразу со многими собеседниками: с традиционной мудростью, с окружающими людьми и, конечно, с самим собой. Противоречивость наставлений Проповедника, не раз отмечавшаяся в библеистической литературе (и не только в ней), объясняется в первую очередь тем, что в основной текст искусно вплетены суждения, с которыми Проповедующий не соглашается, полемизирует. ...Однако куда больше в книге сомнений в собственной правоте, которые едва ли можно объяснить исключительно боязнью ранить религиозные чувства благочестивой аудитории. Именно этой глубинной противоречивостью объясняются многие стилистические особенности книги: и бесконечные риторические вопросы, и часто кажущиеся неуместными повторы, и многократно акцентированный характер наблюдений (“Это я видел”), и подчеркивание того, что все высказанное – не более чем речи “про себя” (букв. “в сердце моем”))» [18, с. 182–183]. В связи с этим, из жанров, которые дошли от эпохи эллинизма, Экклесиаст более всего напоминает диатрибу – народно-философский жанр устной проповеди, для которой характерен прием спора с самим собой, высказывания самых различных мнений, но подчиненных в итоге дидактической цели проповедника. Кроме того, с точки зрения жанра Экклесиаст органично и вместе с тем сложно соединяет, с одной стороны, разные виды *машаля* (притчи) – в форме афоризма, философской сентенции, в виде образного уподобления ситуации или даже короткой истории с моралью-резюме, с другой – развернутое размышление над жизнью, лирическое излияние с элементами автобиографии. Исследователи отмечают наличие в Экклесиасте в целом и особенно во фрагменте *Еккл 1:12–2:16* элементов автобиографического повествования о жизни и деятельности царя или даже царского завещания². Так или иначе, в тексте ощущимо присутствие личности автора, «входящего в образ» премудрого Соломона и в то же время представляющего со своими особенными чертами характера, со своей ментальностью, со своими религиозно-философскими и этическими взглядами. Автор сознательно стилизует образ знаменитого израильского царя, внутренне вживается в него. Это тонко подметил С.С. Аверинцев: «Традиционный образ Соломона сознательно взят как обобщающая парадигма для интимного жизненного опыта. Эта сознательность приема есть черта столь же необычная на общем фоне древнееврейской литературы, сколь и подходящая к облику скептического мудреца, написавшего в IV или III в. до н.э. Книгу Проповедующего в собрании» [19, с. 296].

Все эти черты древнего текста, а также присущие ему плотная метафоричность, многослойность и парадоксальность метафор, использование игры слов, выявление многозначности и многоассоциативности слова делают Книгу Экклесиаста чрезвычайно созвучной барочному художественному мышлению. Именно с XVII в. можно говорить о четко выраженном, осознанном диалоге с Экклесиастом в европейской поэзии, в литературе в целом. Особенно ярко этот диалог представлен в творчестве итальянца

² Так, немецкий исследователь О. Лорец считает, что Книгу Экклесиаста следует причислить к распространенному на Древнем Ближнем Востоке жанру царского завещания [20, с. 13]. В свою очередь, И.М. Дьяконов и Л.Е. Коган полагают, что так можно охарактеризовать лишь отдельные фрагменты текста, который гораздо многообразнее в жанровом отношении [18, с. 182]. О проблеме жанрового определения Книги Экклесиаста и ее художественном своеобразии см. подробнее: [21, с. 85–105].

Дж. Марино, испанцев Л. де Гонгоры и Ф. де Кеведо, французов Т. де Вио, А. де Сент-Амана, англичан Дж. Донна, Дж. Герберта, Г. Возна, Р. Геррика, немцев М. Опица, П. Флеминга, А. Грифиуса, К.Г. фон Гофмансвальдау и др. Особенно интенсивен диалог с Экклесиастом в творчестве великого немецкого барочного поэта А. Грифиуса, который вполне заслуживает именованья «немецкий Экклесиаст» [22, с. 422–469]). Мотивы Экклесиаста ярко репрезентированы и в творчестве поэтов Центральной и Юго-Восточной Европы. Как и их западноевропейские собратья по перу, они демонстрируют свою вовлеченность в диалог с Писанием, в том числе и с Экклесиастом, который помогает им осмыслить свое кризисное время, найти выход из сложного лабиринта судьбы. Это особенно характерно для творчества албанца П. Буди, венгра М. Зрини, для поэтов славянского мира: И. Гундулича и И. Бунича-Вучича из Дубровника, великого чешского педагога, мыслителя и поэта Яна Амоса Коменского и его соотечественников Ш. Ломницкого из Будчи, А.В. Михны из Отрадовиц, Б. Бриделя, В. Я. Росы, словацких поэтов О. Луцае и Д. Горчички-Синапиуса, польских поэтов М.К. Сарбевского, Д. Наборовского, Ш. Зиморовича, И. Морштына, Я.А. Морштына, З. Морштына, С. Морштына, русско-белорусского поэта Симеона Полоцкого. Несмотря на то что каждый из них преломляет мотивы Экклесиаста по своему, в соответствии со своей индивидуальной манерой, есть общие черты этого «преломления», порожденные общностью трагической эпохи и барочного мироощущения. Практически все названные поэты воспринимают Книгу Экклесиаста как проповедь духовного стоицизма, осознания и преодоления бренности земной жизни, тщетности земных благ и наслаждений, как текст, призванный обратить сердце человека от мира дольного с его мнимыми благами к миру горнему. Показательным является то, что в отличие от западноевропейских поэтов (особенно от Дж. Марино и его школы) поэты Центральной, Юго-Восточной и Восточной Европы практически игнорируют гедонистические мотивы, звучащие у Экклесиаста. Если они и упоминаются, то осмысливаются от противного – как призыв к преодолению мнимых земных радостей и наслаждений.

В русской, украинской, белорусской литературах барокко складывалось под влиянием западноевропейских и – еще в большей степени – польских образцов. При этом важную посредническую роль играла белорусская культура, в которой черты барокко выявляются уже в конце XVI в., особенно в западных католических областях. Так, Д.С. Лихачев пишет о русском XVII в.: «Это век, в котором смешались архаические литературные явления с новыми, соединились местные и византийские традиции с влияниями, шедшими из Польши, с Украины, из Белоруссии» [23, с. 344]. И далее исследователь подчеркивает, что барокко пришло в Россию именно из Беларуси и Украины: «Барокко пришло в Россию через поэзию Симеона Полоцкого, Кариона Истомина, Сильвестра Медведева, Андрея Белобоцкого, через канты, придворный театр, проповедь, сборники переводных повестей, через “литературные” сюжеты стенных росписей, через Печатный Двор и Посольский приказ, через появившиеся частные библиотеки и новую школьную литературу, через музыкальные произведения В. П. Титова и многое другое» [23, с. 356].

Не случайно первым Д.С. Лихачев называет имя Симеона Полоцкого (Самуила Гавриловича Петровского-Ситниановича, 1629–1680), крупнейшего восточнославянского поэта эпохи барокко. Л.И. Сазонова подчеркивает: «Центральная фигура литературы Раннего Нового времени – Симеон Полоцкий, выдающийся представитель русской культуры, просветитель, сделавший многое для привития русской литературе идей, форм, образов такого мощного и плодотворного направления в истории европейской культуры, как барокко» [4, с. 10]. Заметим, однако, что Симеон Полоцкий вписал блестящую страницу не только в русскую, но и в белорусскую культуру, с которой был теснейшим образом связан. Он писал на разных языках – на польском, на смеси польского и латыни, однако главным образом – на церковнославянском, но с элементами украинского и особенно белорусского языков.

Как поэт Симеон Полоцкий сформировался именно в Беларуси. Родившись в древнем Полоцке, он отправился учиться в Киево-Могилянскую коллегию и окончил ее в 1650 г. После этого, как предполагают, поэт еще учился в Виленской иезуитской академии, а затем, до своего переезда в Москву в 1664 г., учительствовал в Полоцкой «братской» школе. Белорусский исследователь В.А. Чемерицкий отмечает, что «поэт смело вводил в белорусскую поэзию новые темы и образы, стихотворные жанры и формы, затрагивал еще не известные ей вопросы и проблемы, обогащая литературу в целом. Опираясь на местные традиции и используя опыт польской литературы, он поднял силлабическую поэзию восточных славян на более высокую ступень» [24, с. 373]. Самыми значительными поэтическими сборниками Симеона Полоцкого являются «Псалтырь рифмотворная» (1675), представляющая целостное переложение Псалтири, «Вертоград многоцветный» (1678), в котором собраны его религиозно-дидактические стихотворения, и «Рифмологион, или Стихослов» (1679), куда вошли его панегирические стихи.

Изначально поэзия Симеона Полоцкого ориентирована на диалог со Священным Писанием. Каких бы тем ни касался поэт, он вводит многочисленные аллюзии на Библию, а часто и прямые цитаты из нее. Библия, безусловно, является для него как метатекстом, так и интертекстом. Обширный пласт и метатекстуальности, и интертекстуальности в поэзии Симеона Полоцкого составляют аллюзивные пласты, связанные с Экклесиастом.

Мотивы Экклесиаста в раннем творчестве Симеона Полоцкого. Важность диалога с Экклесиастом выявляется уже в ранний (белорусский) период творчества Симеона Полоцкого, когда он писал на польском или латинско-польском языке, часто давая своим стихотворениям латинские названия. Так, первый сборник назван поэтом «*Carmina varia*» («Разные стихотворения»). В него вошла весьма показательная «Песенка о смерти», в которой Симеон Полоцкий отдает дань не только и не столько традиционной средневековой теме «песенок о смерти» или «пляски смерти», сколько весьма актуальной в эпоху барокко теме *temento mori*, в интерпретации которой для поэтов Нового времени решающим оказывается библейский дискурс, и в первую очередь размышления Экклесиаста. Это подтверждается уже началом стихотворения, в котором речь идет о человеке как о высшем и прекраснейшем творении Божьем, несущем в себе образ Божий, но с некоторых пор обреченном на неизбежную смерть. Поэт напоминает – в духе своей эпохи и вслед за Экклесиастом – о кратковечности молодости и красоты, уподобляя их быстротекущей воде, деревьям и цветам в саду: их всех пожирает время – не только хрупкие цветы, но и кажущиеся такими сильными деревья; им всем предстоит быть срезанными острой косой и срубленными топором; так же «скашивает» и «срубает» человека смерть:

Прекрасное творение по образу и подобию Бога, / Ты ведь – беспечно, хотя тебе отвсюду тревога – / Огонь и земля, вода и воздух – постоянно терзает. / Ты веришь молодости, будто красивой воде, / Взгляни же на деревья и цветы в саду, / Как их топор с быстроострой косой под корень секут. / Кедр и дуб рослый с малорослой травой / Одинаково становятся времени едою. / Гибкость ее, твердость их не спасет, всех время сломит. / Чему ты веришь и кому беспечно? – / Знай же, предстоит тебе умереть непременно, / Долг то неизбывный, хотя бы и с Богом ты ходил или от королей родился (здесь и далее подстрочный перевод В. Былинкина) [15, с. 150–151].

Вслед за Экклесиастом белорусский поэт говорит о равенстве всех перед смертью, что и представляет собой достаточно болезненную проблему для человеческого сознания: ведь в чем справедливость, если одинаково обречены праведник (согласно библейскому определению, тот, кто «ходит с Богом», или «ходит перед Богом», т.е. опережает Его замыслы) и грешник? Единственное, что, по мысли поэта Нового времени, может утешить человека, – это надежда на справедливое воздаяние за гробом. Симеон Полоцкий напоминает, что никакая земная власть, никакие посты, даже посты высших иерархов Церкви, не могут отвратить смерть. После смерти, когда истлеет прах человеческий, невозможно будет «отличить... кость от кости», но в одном можно не сомневаться: каждый получит свое воздаяние:

...Княжеские митры, символы святости, епископские, / Гетманские знаки смерть складывает в кучу: / Трудно отличить будет кость от кости, но – не злости, / Ибо каждый там свое понесет бремя. / Ах, сокрыт, Боже, сокрыт суд Твой: / Там мысли, слова и все дела получают надлежащую награду [15, с. 151].

Симеон Полоцкий напоминает о неизбежности смерти и краткости земных наслаждений, о том, что счастье в его обычном житейском смысле еще более хрупко и быстротечно, чем жизнь, оно «день за днем плывет, как в реке вода» [15, с. 152]. Поэт призывает помнить об этом и уже здесь, на земле, жить с Богом, чтобы в Царстве Божьем окончательно удостоиться жизни вечной (это напоминает постоянный призыв Экклесиаста «бояться Бога» и настойчиво повторенное им в финале: «И о своем Создателе помни с юных дней...» – *Еккл 12:1* [17, с. 64]):

...Всякий человек, как бы ты ни жил, / Помни, что умрешь – ешь ты или пьешь: / Недолго счастье наслаждений продлится, оно быстро исчезает. / День за днем плывет, как в реке вода, / Не восполнить, поверь мне, этот убыток: / Завтра ненадежно, и сегодня до вечера – не твои совсем. / Живи с Богом теперь, пока час не пробьет, / Когда душа твоя с телом в порт приплывет, / Который есть небо, там будешь беззаботно покоиться вечно [15, с. 152]

В сборнике «*Carmina varia*» есть также стихотворение «*Gloria inconstans est*» («Слава изменчива»; по первой строке в современном переводе: «Почему мир привержен славе изменчивой...» [15, с. 173]), которое не просто варьирует общеизвестный мотив «*Sic transit gloria mundi*» («Так проходит земная слава»), но изначально насыщено библейскими аллюзиями. В качестве примеров великой, но все равно преходящей славы фигурируют библейские Соломон, Самсон, Авессалом, Ионафан, а наряду с ними – символы славы мира античного – Марк Туллий Цицерон и Аристотель. Однако с самого начала вступает мотив экклесиастовский – мотив изменчивости, преходящести, суетности всего земного, в том числе и славы. Симеон Полоцкий сам выполнил перевод этого стихотворения на церковнославянский, где уже в первой строке словом «суетный», определяющим мир, недвусмысленно ввел топику Экклесиаста:

Почто мир суетный славе работает,
Ея же блаженство в часе исчезает.
Тол скоро власть ея зде ся изменяет,
Кол сосуд скуделен сокрушен бывает.
Повеждь, где Соломон, славою почтенный,
Иль где есть Самсон – вождь непобежденный?

Где есть Авессолом, лицом украшенный?
 Где Иоанафан, сладкий возлюбленный?
 Како обратися он кесарь велможный,
 Иль богатый он, пировник безбожный?
 Повеждь, где днесь Тулий, сладкоглаголивый,
 Или Аристотел претонкомысливый? –
 Тол мнози велможи и славныя страны,
 Толицы владыци и вещи избранны,
 Тол мнози князие во вселенной быша. –
 Все ся в мгновении ока измениша. [15, с. 410]

Обращаясь к человеку, который не может знать не только отдаленного будущего, но даже того, что готовит ему завтрашний день, поэт упрекает его в тщеславии, надменности и определяет библейскими метафорами «снедь червей», «пепел [прах] земный», «роса» и, наконец, «суета». В качестве духовно-этической программы Симеон Полоцкий выдвигает необходимость исполнения по свободному выбору человеческого долга – сегодня и сейчас заботы о ближнем, помощи людям, противостояния суете, вышени над ней и размышления о вечном, о небесных дарах:

О тли, снеди червей, и пепеле земный!
 О росо, суето, что тако надменный?!
 Не веси аще день грядущий узриши,
 Днесь, егда можещи, всем да угодиши.
 Не даждь убо сердцу в мирских суповати:
 Что бо мир дарует, то хошет отъяти.
 Пецися о вечных умом в небо зрети,
 Блажен, иже мир сей возможе презрети. [15, с. 411]

С самого начала своего творческого пути Симеон Полоцкий размышляет, как и многие поэты барокко, над проблемой времени, его текучести, повторяемости и одновременно необратимости, его многообразия. Одно из стихотворений, написанных по-польски, называется «Переменчивость и многообразие времени». Оно открывается картиной вечного круговращения времени, следующего за круговращением неба, и это весьма напоминает размышления Экклесиаста в первой главе (см. *Еккл 1:5–7*):

Круглое небо идущих вращается, / Время днем и ночью крылатое движется за ним: / Ветер, огонь, земля здесь – на возу с водою. / Ввысь четыре ветра зарю к перемене водят (здесь и далее подстрочный перевод В. А. Былинина) [15, с. 176].

И так же, как у Экклесиаста ощущение круговращения времени и звездного неба рождает не чувство стабильности и гармонии, но горькое ощущение дурной бесконечности, повторяемости всех благоглупостей, творящихся в человеческом обществе («Что было, то и будет, и что творилось, то и будет твориться, // И нет ничего нового под солнцем» – *Еккл 1:9* [17, с. 42]), так и у белорусского поэта представление о бесконечной повторяемости всего неотделимо от горечи осознания несправедности человеческого общежития. Симеон Полоцкий рисует аллегорическую картину своего несправедного времени, которая перерастает в обобщенную картину несправедности мира вообще – мира, погрязшего в снечи, тщеславии, суете:

Богатство с дочерью снечью торжествуют. / Разбой, измены, лукавство благоденствуют. / Кояням подобно – ростовщичество справа, / Мена денег с растратой бегут слева, / А пустое наслаждение с весельем сзади / За роскошной каретой ступают. / Снечь на возу с завистью, злой дочерью, / Кони – любопытство и упрямство тащат. / Презрение за возом, желание рядом, / Смех, непослушание – слева в ногу шагают. / С завистью – война, которая от нее рождена, / На воз великолепный неправды посажена... [135, с. 176].

Экклесиаст как метатекст зрелого творчества Симеона Полоцкого. Мотивы Экклесиаста, помогающие Симеону Полоцкому воссоздать облик своего времени и постичь законы времени вообще, место и предназначение человека в земном мире и текучем времени, равно как и путь человека к вечности, усиливаются в его зрелом творчестве. Так, они многообразно представлены в знаменитом сборнике «Вертоград многоцветный» – одном из самых ярких явлений восточнославянского литературного барокко. Название сборника отсылает к библейскому топосу сакрального Сада – и Эдема из Книги Бытия, и Пардеса, о котором речь идет в Песни Песней. Многоцветному саду (вертограду) уподобляет Симеон Полоцкий свою поэзию, подчеркивая многообразие тем сборника и стремление прежде всего к постижению сущности жизни и Божественной мудрости, к диалогу с Богом.

Размышления о времени, которое уподобляется быстротекущей реке, подмывающей берега человеческой жизни (цикл афоризмов «Время»), о самой жизни («Живот», «Жизнь»), о месте человека в ней и ответственности перед жизнью и Богом, религиозно-философские размышления и духовно-

нравственные поучения составляют основу сборника «Вертоград многоцветный». Природа человека видится поэту – в духе его эпохи – дихотомичной, противоречивой, изменчивой. Человеку даны сознание, особый духовный мир, свободная воля, но эти же великие дары Божьи влекут его часто к греху. Человек часто непостоянен, изменчив как в желаниях плоти, так и в стремлениях разума, и именно последние осознаются Симеоном Полоцким как главный источник бед (стихотворение «Грехи ума», написанное на церковнославянском языке):

Грех и непостоянство, им же отпадаем
твердости суда и в том изменни бываем.
Мало плоть или демон начнет искушати,
а мы в благом умысле не тщимся стояти.
Трости зыблемой ветром всяко подобимся,
в след мечтания блудна и умом носимся. [15, с. 352]

Показательно, что в этом стихотворении звучит практически паскалевское, весьма свойственное эпохе барокко (а возможно, уже эхом некоторого опосредованного влияния дошедшее от великого французского мыслителя к белорусскому поэту) определение человека как «мыслящего тростника»: «Трости зыблемой ветром всяко подобимся...»

В сборнике «Вертоград многоцветный» многообразно представлены мотивы Экклесиаста и есть даже прямые парафразы библейской книги. Так, стихотворение «Веселие мира есть суета», написанное по-церковнославянски, уже самим названием задает отсылку к основному концепту Экклесиаста – «суета», «тщета». В самом же начале текста прямо звучит в переводе на восточнославянский язык название *Экклесиаст*, которое Симеон Полоцкий передает как *Церковник* (вполне возможный перевод, если помнить что греческое *ekklesia*, от которого образовано *Ekklesiastes*, означает «община», «церковь», как и древнееврейское *ке́гил*, от которого – *Ко́элет*) и вкладывает в его уста собственный парафраз *Еккл 2:3–10*:

Церковник мудрый егда царствовалаше,
во всяких вещех богат зело быше.
Сам он глаголет: «сотворих ограды и винограды;
насадих древо плода всероднаго,
вкусу гортани зело угоднаго;
купели создах, мнози раби быша, иже служиша;
скоты и стада стяжах пребогата,
множество сребра и доволство злата,
имений много. Собрах сладкопевцы и виночерпцы.
Стяжах премудрость, имех вся веляя,
не браних сердцу всяка веселия,
и очи мои что-либо хотеша – свободно зреша». [15, с. 336]

Далее, уже от своего имени, поэт пересказывает мысли Экклесиаста, по-своему их преображая и заостряя, актуализируя для своего времени. Прежде всего Симеон Полоцкий напоминает о том, что все деяния человека, направленные вовне и для собственных удовольствий, равно как и результат этих деяний, библейский мудрец определяет как «суету». Затем он предупреждает об опасности злоупотребления вином, бездумного и глумливого веселья, накопления богатств. Все это губит человеческую душу, в конечном счете ввергает ее в ад:

Но по сих, зрите, что он же вещает:
вся та суету светло нарицает.
И не без правды, скоро бо преходят, а грех много родят.
Долго ли вино гортань услаждает,
а коль бед много лютых содевает,
свар и убийство от того исходит, что болезнь родит.
Кая есть радость лики составляти,
аки без ума скакати, плясати;
безчинно действо верным непотребно, душам бо вредно.
Что о богатстве? Какая полза с него?
Выну печалит державца своего,
а не искусна душу погубляет, во ад вселяет.
Что честь веляя может ползовати?
Скорби печали весть та умножати,
отъемлет покой, а уж надымает, гордость раждает.
Не могу долго веселитиси я,
да ищет кождо радости иныя,
яже духовне ум возвеселяет, вечно бывает. [15, с. 336–337]

Как видно, Симеон Полоцкий по-своему передает мысль о знании, умножающем печаль, подчеркивая, что оно еще и лишает человека покоя, раздувает его гордыню. Поэт подчеркивает, что в этой жизни нужно предаваться духовным радостям, что только они открывают путь к вечности.

В двух стихотворных циклах, сходных по названию, структуре и смыслу, – «Живот» и «Жизнь» – Симеон Полоцкий размышляет о бренности человеческой жизни и о том, как можно ее преодолеть человеку и обрести жизнь вечную. В каждом из них использована топика Экклесиаста, звучат более или менее скрытые реминисценции из него. В первом стихотворении белорусский поэт с особенной силой говорит о непредсказуемости и хрупкости земного бытия, неизвестности, подкарауливающей человека, и о том, что опорой в этой жизни ему дает лишь вера в блаженство, обретаемое в небесном мире. Резкий контраст между несовершенным земным миром, в котором недостижимо блаженство, и изначально блаженным миром небесным, Божественным, является главным смысловым и композиционным стержнем цикла «Живот», что особенно очевидно в его четвертой части:

Живот человеческий скоро претекает,
ибо яко цвет сильный, тако отцветает.
Здрав, кто утре и весел, надеется жити
с Мафусаилом долго, силен славен быти:
и се на вечер коса смерти посекает,
прекрасный цвет юности во тлю обращает.
Веселится кто ныне, славно торжествует,
а смерть невидимая косу нань готует.
И се солнцу западшу, и он тожде деет:
падает в гроб, утре же смердит, ибо тлеет.
Оле непостоянства жития нашего!
Никто же есть известен бытия своего.
Несть блаженства под солнцем, то бо токмо в небе,
хотя жити блаженно, то заслужи тебе.
Тамо жизнь бесконечна и вечно блаженна,
тамо здравие присно, радость божественна.
Тамо мир есть без бедства, безбедство мирное
и вечность блаженная, блаженство вечное.
Любы совершенная тамо обитает,
совершенство любимо вечно пребывает.
Тамо страху несть места и печаль не будет,
Ликование, радость во веки пребудет. [15, 357–358]

Вслед за Писанием Симеон Полоцкий напоминает, что главным залогом обретения небесного блаженства является осмысленная и достойная, несмотря на всю ее суетность и призрачность, земная жизнь человека, посылаемая каждому как испытание. Именно в зависимости от дел человека на земле, от того нравственного выбора, который он каждодневно совершает, зависит его спасение. Поэт-проповедник подчеркивает важность не только спасающей благодати Божьей, но и добрых дел человека для обретения жизни вечной:

...И zde тако живите, дабы угодити
делом Богу и за ня восприятим быти
во страну вечны жизни: ибо не вхождает
тамо, кто жизнь во злобах свою провождает.
Благодатию убо Господь ны спасает,
но и добрых деяний от нас Он желает.
Да содействуем Его святей благодати,
такое удостоимся жизнь вечну прияти. [15, с. 358–359]

Таким образом, белорусский мыслитель и поэт подчеркивает, что жизнь – не только юдоль скорбей, от которой нужно как можно быстрее отрешиться, но и достойное поле применения человеческой активности, место формирования и испытания его духовной зрелости, нравственного совершенства, верности Богу. В этом плане мысли Симеона Полоцкого не только совпадают с мыслями многих его великих современников в Западной Европе (например, Дж. Донна или А. Грифиуса), но и предваряют некоторые идеи Просвещения. В цикле «Жизнь» поэт варьирует те же размышления. Так, третье стихотворение открывается мыслями об ошибочности позиции тех, кто полагает единственной и вечной нашу временную земную жизнь, а о подлинной вечности даже не помышляют:

Коль сладко человеком, еже в мире жите
и коликую цену жизни возложити.

Аз не имам искусства: космицы то знают,
 иже временну вечной жизни прелагают,
 zde хотящи весело и богато жити,
 а о вечной не мыслят, аки бы не быти.
 О ней же в Писаниих то нам извещенно,
 яко тамо житие всячески блаженно
 в сладости и радости, к тому безконечно,
 измена бо не будет тех в небеси вечно. [15, с. 359]

За этим резонно следует вопрос: что представляет собой наша земная жизнь, или, как говорит поэт, «житие наше»? И ответ дается прежде всего словами Экклезиаста – «суетно, худо, кратко и непостоянно»:

А zde житие наше чему подобится?
 Имяй умы очы, право присмотрится:
 не блистание отъвне нужда созерцати,
 но от основания полезно есть знати.
 Тако бо совершенней вещь ся познавает,
 егда тоя природа суждена бывает.
 Что же житие наше? оле окаянно!
 Суетно, худо, кратко и непостоянно! [15, с. 359]

Далее же поэт, пытаясь определить жизнь, ее ускользающую от человеческого понимания сущность, подбирает цепи метафор в духе своей эпохи – и в духе центрального экклезиастовского понятия *l'эвель*, означающего все, что быстро исчезает, но прежде всего – «легкое дуновение», «пар, выдыхаемый изо рта», «пустое», «ничто». Земная жизнь предстает как роса, исчезающая утром под солнечными лучами; как дым, развеиваемый ветром; как тень, бегущая от лучей солнца; как красивый цветок, быстро отцветающий; как капля, упавшая во прах и не оставившая никакого следа:

Едина есть време не черта невелика,
 а беды окаянства во оней колика?
 Язык человеческий может ли гадати? –
 недоумеваюся аз, грешник, сказати.
 Есть оно яко роса, утре испадшая,
 а солнцу возсиявшу скоро обсохшая.
 Есть подобное дыму, горе возшедшему,
 от веяния ветров в мале исчезшему.
 Есть мрачней сени точно, яже исчезает,
 егда солнце лучеса своя проявляет.
 Подобно есть и цвету, лепокрасну сушу,
 но зело сокращенно бытие имущу.
 Есть оно яко капля, в прах многий впадшая,
 но следа бытия сим премало явившая. [15, с. 359–360]

Все эти метафоры являются устойчивыми топосами, неоднократно встречающимися в европейской поэзии барокко. Говоря о краткости человеческой жизни, неизбежно вливающейся, подобно реке, в море смерти («...яко же река скоро мимо ходит, / тако во море смерти жизнь наша отходит» [15, с. 360]), поэт сравнивает ее со стремительной птицей, со стрелой, неумолимо летящей к цели, с бурным ветром, с солнцем, спешащим на закат:

Яко же птица скоро воздух прелетает,
 тако наш ко пределу живот прибегает.
 Ни скорее ко целю остра стрела летит,
 неже человеческий живот к смерти бежит.
 И не толико быстро бури ветра веют,
 елико человецы ко тли гробней спеют.
 Не тако на свой запад солнце светло тщится,
 яко человек грешный ко гробу близится. [15, с. 360]

Под пером Симеона Полоцкого возникает оригинальная метафора, не встречающаяся у его современников: жизнь уподобляется слабой сетке паутины, сплетенной пауком; точнее, поэт говорит о том, что жизнь более хрупка, чем эта паутина. Однако при мысли о том, какого же наиболее подходящего определения заслуживает земная жизнь, ему в голову приходит одно, наилучшее: «суета сует» («суетие

суетий»). Только осознав это сполна, человек может возвыситься над бренностью временной земной жизни и открыть свою душу вечности:

Слаба сеть паучины, а слабша есть тоя,
о человеке грешный, краткая жизнь твоя!
Что убо ту во правду возможеш звати,
сугие суетий лепо имя дати.
Паче, егда ничтоже имя возложиши,
тогда ся ко истинне право приближиши.
Что убо, человеке, жизнь твою толико,
кратку и худу суцу, ты мниши велико? –
Презри жизнь временную, во вечную тщися,
горняя да любиши, земными не лтисся. [15, с. 360]

Что же касается радостей жизни, о которых говорит Экклезиаст, то русско-белорусский поэт еще больше уверен не только в краткости последних, но и в том, что они неизбежно ведут к печали. Как сказано в стихотворении «Радость печалию вершится», «радости мира кратко пребывают, / а в конце печаль часто содевают» [15, с. 374].

Заключение. В результате проведенного исследования можно сделать вывод о том, что Экклезиаст является одним из важнейших собеседников Симеона Полоцкого. В поэзии русско-белорусского поэта библейская книга выступает не только как важнейший метатекст, «на полях» которого создаются его собственные оригинальные тексты, но и как интертекст: аллюзии на Книгу Экклезиаста, ее осознанное и неосознанное цитирование пронизывают поэзию Симеона Полоцкого на протяжении всего его творческого пути. Более того, именно у Симеона Полоцкого обнаруживается первое по времени в восточнославянских культурах переложение фрагмента Экклезиаста (*Еккл 2:3–10*), очень близко подходящее к собственно переводу. Диалог с Экклезиастом помогает Симеону Полоцкому – в духе эпохи и в соответствии с его религиозными представлениями – исполнить свое предназначение поэта-проповедника и выразить мысль об относительности и временности земного бытия, о необходимости для каждого верующего отрешиться от жизни дольней и истинно возлюбить горнюю. При этом русско-белорусский поэт гораздо сильнее, чем Экклезиаст, акцентирует надежду на жизнь вечную как единственно истинную и элиминирует мотивы гедонизма (здорового, «естественного») и прославления радостей земной жизни, присущие библейскому мудрецу. Многие стихотворения и стихотворные циклы Симеона Полоцкого даже по жанровым признакам приближаются к Книге Экклезиаста – к жанру философского монолога, но при этом утрачивают черты диатрибы, внутреннего спора с самим собой и с традиционной мудростью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Карманова, М.Д. Эмблематическая поэзия Симеона Полоцкого и эмблематичность как принцип творческого мышления / М.Д. Карманова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. : в 3 ч. – Тамбов, 2014. – Вып. 10. – Ч. 1. – С. 92–97.
2. Робинсон, М.А. Заметки к биографии и творчеству Симеона Полоцкого / М.А. Робинсон, Л.И. Сазонова // Русская литература. – 1988. – № 4. – С. 134–141.
3. Сазонова, Л.И. Поэзия русского барокко (вторая половина XVII – начало XVIII в.) / Л.И. Сазонова. – М., 1991.
4. Сазонова, Л.И. Литературная культура России: Раннее Новое время / Л.И. Сазонова. – М. : Языки славянских культур, 2006. – 896 с.
5. Сазонова, Л.И. К истории создания «Рифмологиона» Симеона Полоцкого / Л.И. Сазонова // Славяноведение. – 2011. – № 2. – С. 19–35.
6. Глухов, А. Симеон Полоцкий. 1629–1680. Муж, исполненный разумом просвещения / А. Глухов // Университетская книга. – 2004. – № 4. – С. 32–37.
7. Киселева, М.С. Проблемы морали в проповедях Симеона Полоцкого / М.С. Киселева // Київська Академія. – 2008. – Вип. 6. – С. 84–101.
8. Киселева, М.С. Священная история в книжной проповеди: Симеон Полоцкий / М.С. Киселева // Диалог со временем. – М., 2008. – С. 239–254.
9. Корзо, М. А. О некоторых источниках катехизисов Симеона Полоцкого / М. А. Корзо // Київська Академія. – 2008. – Вип. 6. – С. 102–122.
10. Корзо, М.А. Нравственное богословие Симеона Полоцкого: освоение католической традиции московскими книжниками второй половины XVII века / М.А. Корзо ; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М. : ИФ РАН, 2011. – 155 с.
11. Костин, Б.А. Симеон Полоцкий / Б.А. Костин. – Минск : Літаратура і Мастацтва, 2011. – 240 с.
12. Москалевич, Г.Н. Взгляды белорусского просветителя Симеона Полоцкого на государство и правосудие / Г.Н. Москалевич // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. Д, Экон. и юр. науки. – 2013. – № 5. – С. 103–109.
13. Сидорович, Л.Н. «Рифмотворная Псалтырь» Симеона Полоцкого и Василия Титова: Тексты. Исследования / Л.Н. Сидорович. – Новополоцк : ПГУ, 2003. – 424 с.

14. Сідаровіч, Л. Прафесійная музыка на тэксты «Псалтыры рыфматворнай» Сімяона Полацкага : пер. з рус. мовы / Л. Сідаровіч // Роднае слова. – 2010. – № 11. – С. 93–94.
15. Симеон Полоцкий. Вирши / Симеон Полоцкий ; сост., подгот. текстов, вступ. ст. и коммент. В.К. Былинина, Л.У. Звонаревой ; науч. ред. В.Г. Короткий. – Минск : Мастацкая літаратура, 1990. – 447 с.
16. Симеон Полоцкий. Избранные сочинения / Симеон Полоцкий ; подгот. текста, статья и коммент. И.П. Еремина ; репринт изд. 1953 г. – СПб. : Наука, 2004. – 281 с. Ветхий Завет: Плач Иеремии; Экклесиаст; Песнь Песней / пер. и коммент. И.М. Дьяконова, Л.Е. Когана при участии Л.В. Маневича. – М. : РГГУ, 1998. – 345 с.
17. Дьяконов, И.М. Экклесиаст: Комментарий; Примечания / И.М. Дьяконов, Л.Е. Коган при участии Л.В. Маневича // Ветхий Завет: Плач Иеремии; Экклесиаст; Песнь Песней. – М. : РГГУ, 1998. – С. 173–186.
18. Аверинцев, С.С. Древнееврейская литература / С.С. Аверинцев // История всемирной литературы : в 9 т. – М. : Наука, 1983. – Т. 1. – С. 273–302.
19. Loretz, O. Qohelet und der alte Orient: Untersuchungen zu Stil und theologischer Thematik des Buches Qohelet / O. Loretz. – Freiburg; Basel; Wien, 1964.
20. Синило, Г.В. Экклесиаст и его рецепция в мировой культуре : в 2 ч. / Г.В. Синило. – Минск : БГУ, 2012. – Ч. 1: Предтечи, поэтика, религиозные интерпретации. – 220 с.
21. Синило, Г.В. Экклесиаст и его рецепция в мировой культуре : в 2 ч. / Г.В. Синило. – Минск: БГУ, 2013. – Ч. 2: Экклесиаст в мировой поэзии : от Поздней Античности до Раннего Нового времени. – 543 с.
22. Лихачев, Д.С. Русская литература / Д.С. Лихачев // История всемирной литературы : в 9 т. – М. : Наука, 1987. – Т. 4. – С. 343–360.
23. Чемерицкий, В.А. Белорусская литература / В.А. Чемерицкий // История всемирной литературы : в 9 т. – М. : Наука, 1987. – Т. 4. – С. 371–375.

Поступила 21.06.2015

DIALOG WITH ECCLESIASTES IN SYMEON OF POLOTSK'S POETRY

G. SINILO

In this paper the problem of meta- and intertextuality associated with the Book of Ecclesiastes in Symeon of Polotsk's poetry is under consideration. The Book of Ecclesiastes is the most important metatext of the Baroque. Allusions on the Book of Ecclesiastes, as well as reminiscences, citations from it and its topoi run through the works of the first-rate poet of Eastern Slavic Baroque. The author indicated that dialog with Ecclesiastes helps Symeon of Polotsk to fulfill his mission of a poet as a prophet and to express his thought of being-in-the-world's relativity and temporality and every believer's necessity of renunciation of the earthly life and truly fall in love with celestial life. At the same time Russian-Belarusian poet makes a much stronger accent on the hope on life everlasting as the one veritable and eliminates hedonism and paradoxical scepticism so characteristic of the biblical man of wisdom.